

А. Н. Власов

О ПАМЯТНИКАХ УСТЮЖСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ XVI—XVII вв.

(Создатели и составители
некоторых литературных произведений
Великого Устюга и Соли Вычегодской)

Понятие «устюжская литературная традиция», которое мы будем использовать в нашей работе, обозначает определенный круг литературных памятников, созданных в Великом Устюге и Соли Вычегодской в XVI—XVII вв. Это понятие включает также круг авторов и читателей этих произведений. Определяя устюжскую литературную традицию лишь как одно из «областных» ответвлений общерусской литературы, мы намеренно сузили бы ее понимание.

Развитие литературы отдельных ярких региональных центров, какими являются Дон, Сибирь¹ и Великий Устюг в XVI—XVII вв., можно связывать с общим процессом демократизации русской культуры и литературы. В этот период представителями демократической струи были внесены в русскую литературу новые идеи и темы; благодаря им в литературу проникли жизнь и быт всех слоев общества. Поэтому при определении устюжской (или другой местной) литературной традиции наряду с географическим принципом важнейшее, если не основное значение имеет становление социального статуса носителей этой традиции.

Попытка дать общую характеристику важнейших памятников устюжской литературной продукции XVI—XVII вв., показать их идейно-художественную направленность, жанровые особенности и выявить имена создателей и составителей некоторых местных произведений является целью данной работы.

Выделение городов Великого Устюга и Соли Вычегодской и земель, к ним прилегающих, в особую культурно-историческую

---

¹ См.: Панченко А. М. Литературные школы Сибири и Дона // История русской литературы. Л., 1980. Т. 1. С. 325—326.

зону² обусловлено целым рядом объективных причин: этнографических, исторических и культурных.

Устюжский край, или Верхнедвинский бассейн, занимал территорию, расположенную в верховье Северной Двины (по ее притокам — средней и нижней Сухоне, Югу), нижнюю Лузу и нижнюю Вычегду, междуречье Северной Двины и волжских притоков (Унжа, Кама, Юза, Ветлуга, Молома и Вохма).³ Заселение этих северных земель начиная с XI—XIII вв. шло двумя миграционными потоками русских — из Новгорода Великого и Ростово-Суздальской земли. Устюжский край оказался как бы в зоне двух сфер влияния. Город Устюг вплоть до XVI в. был военным форпостом на северо-восточных окраинах Ростово-Суздальского, а затем Московского княжества, обороняя его рубежи от набегов вогуличей, югры, новгородцев и двинян. Глубинные районы бассейна Сухоны, Двины и Вычегды осваивались преимущественно в XIV—XVI вв. при продвижении сюда «низовцев» (выходцев из Нижегородских пределов) и утверждении власти московских князей.

К XVI—XVII вв. в целом сложился историко-этнографический и культурный облик Устюжского края. В эпоху сложения Русского централизованного государства г. Великий Устюг становится одним из крупнейших торговых городов на Северо-Востоке европейской части Московского государства. Выгодное его местоположение — на пересечении двух основных на Севере торговых путей (Архангельского и Сибирского) — явилось стимулом для расцвета торговли, ремесел и культуры всего Устюжского края.

В социальном отношении население Устюжского края состояло в основном из крестьянского и городского (посадского и купеческого) сословий, значительную прослойку представлял монастырский и церковный клир. Ведущее положение в экономике и культуре края принадлежало посадскому и торговому населению. Из среды торговых людей, «лутших людей», выделялись купеческие роды: Строгановы, Грудцины-Усовы, Гусельниковы, Ревякины и др.⁴ Устюжане и сольвычегодцы отличались завидной предприимчивостью, деловой сметкой и бесстрашием землепроходцев — чертами, унаследованными еще от первых русских переселенцев края. Уроженцами Устюга были знаменитые путешественники-землепроходцы С. Дежнев, Е. Хабаров и др.

Период с XVI по начало XVIII в. в развитии Устюжского края был временем расцвета городской культуры. Города украшаются

---

² Термин «культурно-историческая зона» Великого Устюга и других севернорусских районов введен в научный оборот А. А. Амосовым; см.: Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Вологда, 1982. Ч. 1. С. 8.

³ Об экономическом освоении Верхнедвинского бассейна и его народонаселении см.: *Власова Н. В.* Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII—первой четверти XX в. М., 1976. С. 3.

⁴ *Мерцалов А. Е.* Устюг Великий в первой четверти XVII в.: Историко-экономический очерк // Вологод. губерн. ведомости. 1885. № 34.

каменными храмовыми постройками. Высокой степени развития достигают художественные ремесла — чернь по серебру, золотошвейное рукоделие и др. Применительно к этому периоду исследователи говорят о сложившихся в Устюге и Соли Вычегодской у Строгановых своих иконописных стилях, уходящих корнями в традиционные иконописные центры: новгородский и ростово-суздальский.⁵ В Соли Вычегодской берет начало знаменитая строгановская школа певческого искусства, у истоков которой стоит виднейший ее представитель Иван Лукошков (Исайя).⁶

Важное место в духовной культуре устюжан занимала книга. Проникновение книжной культуры на Северо-Восток связано не только с общей миграцией русского населения в этот край, но и с параллельно проходившей монастырской колонизацией и христианизацией нерусского населения Севера. Еще в XIV в. умный и предприимчивый устюжанин Стефан Пермский (первый епископ Перми Великой) шел на пермян не с огнем и мечом, а с книгой. Центром деятелей монастырской колонизации на Севере был Троицкий Сергиев монастырь: ученики Сергия основывали обители (такие как Павлов Обнорский, Кириллов монастыри и др.), которые становились проводниками монастырской колонизационной политики.⁷ Позднейшими отголосками этой волны в Устюжском крае в XVI и XVII вв. были Николо-Коряжемский, Троицкий Телеговский, Симонов Воломский монастыри, Христофорова пустынь.⁸

Местные монастыри и целая сеть волостных и приходских церквей явились источниками распространения высокой книжной культуры в Устюжском крае. Приходские священники и монастырские инок, большею частью уроженцы тех мест и выходцы из крестьян и посадских, вели местные городские и церковные летописцы, записывали «чудеса» от местных святынь и составляли «сказания» о жизни основателей монастырей и пустынь.

Развивающиеся формы городской жизни в Устюжском крае стимулировали прежде всего быстрый расцвет культуры, в том числе и возникновение местной литературной традиции. Уже в XVII в. репертуар произведений устюжской литературной традиции охватывает практически все древнерусские жанры: агио-

⁵ *Введенский В. А.* Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М., 1962. С. 194; *Бочаров Г. Н., Выголов В. П.* Сольвычегодск, Великий Устюг, Тотьма. М., 1983.

⁶ *Парфентьев Н. П.* Древнерусское певческое искусство и его традиции в духовной культуре населения Урала (XVI—XX вв.): Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Новосибирск, 1981. С. 9—13.

⁷ *Платонов С. Ф.* Прошлое Русского Севера. Пг., 1923. С. 35—36; *Савваитов П. И.* О начале и распространении христианства в пределах Вологодской епархии // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1865. № 1. С. 22—26.

⁸ Подробные сведения об основании и местоположении Устюжских монастырей см.: *Савич А. А.* Главнейшие моменты монастырской колонизации Русского Севера XIV—XVII вв. // Сб. общества исторических, филологических и социальных наук при Пермском ун-те. Пермь, 1929. Вып. 3. С. 47—116.

графические, летопись, исторические, сатирические и бытовые повести. Несмотря на, казалось бы, такую жанровую пестроту местных памятников, все они генетически принадлежали к одному или сразу нескольким традиционным для литературы Древней Руси функционально-жанровым типам повествования (летописному, агиографическому и риторическому). Ведущее положение среди них в устюжской литературной традиции занимала агиография.

Основной корпус памятников был написан в рамках агиографического канона. Житийные повести и сказания о местных основателях монастырей, юродивых и местночтимых святынях и составляют основной слой местной литературной продукции. К ним относятся Сказание о Логине Коряжемском, основателе крупнейшего в крае Николо-Коряжемского монастыря (XVII в.),⁹ Сказание о Христофоровой пустыни (XVII в.),¹⁰ о чудотворной иконе Туровецкой божьей матери и пустынской обители на Туровце (XVII в.),¹¹ повествование о «чудесах» от иконы Нерукотворного образа Спаса на Красном Бору (середина XVII в.),¹² Сказание о чудотворной иконе богородицы на Теплой Горе (вторая половина XVII в.),¹³ Житие Симона Воломского, основателя Воломской пустыни,¹⁴ и другие памятники, так или иначе связанные с устюжской агиографической литературой. Повесть о бесноватой Соломонии, Повесть о избавлении града Устюга от литвы и черемис в качестве отдельных «чудес» входят в житийный цикл о Прокопии и Иоанне Устюжских. Служба кабаку, выдающийся памятник антиклерикальной сатиры, по определению В. П. Адриановой-Перетц, пародирует канон церковной службы.¹⁵

Основная масса этих произведений была написана в 40—80-е годы XVII в. Интенсивность создания литературной продукции в Устюжском крае была связана с политической, исторической и культурной обстановкой в России этого времени. 40-е годы XVII в. знаменуются приходом к власти династии Романовых и начавшимися изменениями в церковной и светской жизни России: перевозятся мощи митрополита Филиппа в Москву, делается «розыск» новых российских святых. В результате этого процесса создаются новые агиографические повести и редактируются старые. В это же время вновь делается попытка, как сто лет назад, составить свод литературных памятников наподобие Великих Минея Четых (Минея Четья Германа Тулупова).

⁹ Вологодский областной краеведческий музей, № 2151, л. 21—55 об., XVII в.

¹⁰ ГПБ, Q.XVII, № 142, л. 82—108, XVII в.

¹¹ См.: Сказание об иконе богородицы на Туровецком погосте // ПДПИ. СПб., 1879. Вып. 3. С. 96—106.

¹² Никольский А. И. Памятник и образец народного языка и словесности Северодвинской области // ИОРЯС. СПб., 1902. Кн. 1. С. 87—105.

¹³ БАН, Устюжское собр., № 19, л. 1—32.

¹⁴ ГИМ, Синодальное собр., № 406 (70-е годы XVII в.), л. 1—66.

¹⁵ Адрианова-Перетц В. П. Праздник кабацких ярыжек: Пародия-сатира «Служба кабаку». Л., 1934. С. 24—25.

К началу XVI в. в Великом Устюге было уже развито летописание; в первой четверти XVI в. при главном городском Успенском соборе был составлен Устюжский летописный свод.¹⁶ Возникновение летописных записей в Устюге, как показывает в своем исследовании К. Н. Сербина, было связано с исторической ролью Устюга на Северо-Востоке Московского государства как форпоста московской экспансии в этом регионе. Функция Устюга до XVI в. была оборонительной, и характер летописных записей, повествующих о событиях местной истории до этого периода, подтверждает это.¹⁷

В результате анализа общерусских записей Устюжского летописного свода и сличения их с известными списками Ростовского свода, Московского и Новгородских летописей обнаруживается зависимость Устюжского свода от Ростовского владычного свода.¹⁸ Такая зависимость устюжского летописания от ростовского объясняется тем, что Великий Устюг и весь край были в церковном подчинении у Ростова Великого: ростовскими владыками поставлялись иереи в Успенский собор.

Сложение летописного свода в Великом Устюге в первой четверти XVI в., вероятно, следует связывать с деятельностью Дионисия, иерея Успенского собора, позднее ставшего игуменом Борисоглебского монастыря в Соли Вычегодской. Обнаружение текста Сольвычегодского летописца, содержащего сведения за 1533—1581 гг., позволяет сделать вывод, что на какое-то время ведение летописания в Устюге прерывается в связи с переездом Дионисия в Соль Вычегодскую.¹⁹ Хотя в Устюжской летописи и Сольвычегодском летописце нигде прямо не указывается на то, что летописание велось Дионисием или по его указанию, тем не менее из текста Сольвычегодского летописца ясно, что записки велись при Борисоглебском монастыре.²⁰ Летописец фиксирует события из истории местных монастырей и церквей, причем более всего сведений сообщается о Борисоглебском монастыре (краткое описание его строений, известия о том, как игумен Дионисий совершил «чудо» во время пожара в 1544 г., как в том же году устюжский пресвитер Терентий написал для монастыря икону Прокопия и Варлаама Хутынского, сообщение о «чуде» от этой иконы с «расслабленным» Иоанном и др.).²¹

¹⁶ См. издание устюжских летописей: ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 3—103.

¹⁷ Сербина К. Н. Устюжский летописный свод // Исторические записки. М., 1947. Т. 20. С. 262—266.

¹⁸ Сербина К. Н. Устюжское летописание XVI—XVIII вв. Л., 1985. С. 81—83.

¹⁹ См. Устюжский летописный свод, запись событий в котором прекращается 1517 г. и возобновляется только с 1584 г. (ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 54).

²⁰ См. текст Сольвычегодского летописца, в котором в большей части летописных статей (1535, 1544, 1548, 1555 гг.) упоминается Борисоглебский монастырь. Летописец известен по двум спискам: ГПБ, Q.XVII, № 197, л. 2—3 об. (список дефектный конца XVII в.) и ГПБ, Q.I, № 835, л. 1—6 об. (вторая половина XVIII в.).

²¹ ГПБ, Q.I, № 835, л. 3—4 об.

Чуть позднее, в 1550-х годах, в Борисоглебском же монастыре составляется сыном игумена Дионисия Сказание о чудесах Прокопия Устюжского и Житие Иоанна Устюжского. В тексте Жития Иоанна Устюжского, которое составляло только третью часть большого агиографического цикла о Прокопии и Иоанне Устюжских, агиограф писал, что рассказ о Иоанне слышал он от отца своего, игумена Борисоглебского монастыря, и от сестры его: «. . . слышах у отца своего и у сестры я своею, бе бо они жители того града Устюга. . . тогда убо бывшу ему саном священства у сборных. . . церкви. . . на Устюге».²²

По-видимому, происхождение двух основных памятников устюжской литературной традиции — летописного свода и цикла житийных повестей и сказаний о Прокопии и Иоанне Устюжских — следует связывать с деятельностью неизвестного устюжанина по имени Дионисий, при жизни которого и по его прямому указанию в двух своеобразных культурных очагах Устюжского края — Успенском соборе и Борисоглебском монастыре — была проделана первоначальная работа по составлению и написанию местных памятников. Попытка свести воедино все письменные свидетельства по истории Устюжского края, которую предпринял Дионисий, отвечала по духу своему тем требованиям времени и процессам культурной жизни, которые столь ярко проявились в деятельности митрополита Макария.

Все эти процессы, естественно, сказались и на литературной традиции Великого Устюга и Сольвычегодска. Пополняется новыми сказаниями о «чудесах» житийный цикл о Прокопии и Иоанне Устюжских.

Важнейшим этапом в становлении Устюжского агиографического цикла явились 60—70-е годы XVII в., когда в нем были соединены практически все памятники и письменные свидетельства о Прокопии и Иоанне юродивых. Составитель этого нового свода написал новое предисловие к Житию Прокопия, добавил в житийную биографию героя некоторые местные черты (эпизод пророчества Прокопием матери Стефана Пермского о рождении сына, деталь о том, как Прокопий обычно проводил время, сидя на камне на берегу Сухоны), к известным «чудесам» сольвычегодской версии житий прибавил еще целый ряд «чудес», общее число которых колеблется от 27 до 30. В таком составе Иоанно-Прокопьевский цикл отразился в поздних списках. Большинство этих списков представляют собой отдельные сборники в одном переплете, а некоторые «чудеса» в них относятся и к житию Прокопия, и к житию Иоанна (например, Чудо о Соломонии бесноватой). Все это говорит о том, что данные памятники местной агиографии воспринимались читателями и составителями как цикл.

---

²² ГБЛ, Музейное собр., № 1365, л. 178—179. О составлении Иоанно-Прокопьевского цикла сказаний см. в статье: *Власов А. Н.* К вопросу о происхождении цикла сказаний о Прокопии и Иоанне Устюжских // *Литература Древней Руси. Источниковедение.* Л., 1988. С. 144—159.

Оживление интереса к циклу и работа над ним в Устюге могли произойти не раньше 1639 г., так как этим годом датируется после долгого перерыва новое «чудо» от гроба Прокопия. Последним в перечне «чудес» XVII в. Прокопия и Иоанна в подавляющем большинстве списков по времени его свершения было Чудо о бесноватой Соломонии. Следует обратить внимание на сюжетную и стилистическую близость Чуда и Повести о бесноватой Соломонии.²³ Эта близость наиболее явна между Чудом и ранним списком Повести, в которых указано имя автора — попа Иякова и время создания — 70-е годы XVII в. О позднем характере работы над составлением устюжского цикла говорит и тот факт, что известная нам Повесть о избавлении града Устюга от литвы и черемис в качестве совместного «чуда» Прокопия и Варлаама была внесена в число последних, после Чуда о бесноватой Соломонии.²⁴ Основная же масса «чудес» Прокопия и Иоанна, начиная с 21-го и до 28-го (Чудо избавления), относится к 50—70-м годам XVII в. Вероятно, этим же временем следует датировать завершение работы составителя XVII в. над циклом.

Стилистическое единообразие последних «чудес» свода позволяет предполагать, что все они были созданы одним автором. В этих «чудесах» используются одни и те же приемы и средства изображения. Так, обязательным элементом в них было видение: герою «чуда» является его чудесный исцелитель — Прокопий или Иоанн Устюжские. Очень часто герой «чуда» узнает своего спасителя и описывает его образ в стиле, характерном для иконописных подлинников, например: «И прииде ко мне некий человек млад образом в синем одеянии» (Иоанн),²⁵ «И в сонном видении является им праведный чудотворец Прокопий Устюжский, почивая во гробнице, якоже и ныне вижу на гробе образ подобия его. . .»,²⁶ «И в то время прииде к нам во храмину человек некий незнаем в немецкой краткой одежи» (Прокопий),²⁷ «И в той час явился мне человек некий стар образом, брада же ему с сединою» (Прокопий),²⁸ «И яви ми ся святой Иоанн, по персем во гробнице сядяць во иереистей одежды, и видох на левой руке его поручь и в руце его жесл»,²⁹ «А видехся мне святой Иоанн наг и на главе и на всем теле его миро благоуханное, яко от великих аромат, а видением миро, яко пот великий, а на бедру его видех многое

²³ Подробнее см.: анализ Повести. *Скрипиль М. О.* Повесть о Соломонии // Старинная русская повесть. М.; Л., 1941. С. 199—209.

²⁴ Списки цикла, в которых зафиксировано Чудо о избавлении, датируются 70—80-ми годами XVII в., поэтому в данном случае наиболее вероятно переработка известной Повести в «чудо», а не наоборот. Этой точки зрения придерживается и автор статьи о Повести. См.: *Кужушкина М. В.* Новая повесть о событиях начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1968. Т. 17. С. 376.

²⁵ Житие преподобного Прокопия Устюжского. СПб., 1893 (ОЛДП. Вып. 103). С. 124.

²⁶ Там же. С. 130.

²⁷ Там же. С. 135.

²⁸ Житие Прокопия Устюжского. С. 137.

²⁹ БАН, 45.10.2 (Чудо о бесноватой Ефросинье), л. 227—235.

миро, а от ног его видех текуща два источника святаго мира благо-
вонна». ³⁰

Установка на достоверность «чудесного» достигается автором в неукоснительном следовании одним и тем же принципам. Во-первых, дается возможно полная документальная характеристика человека, с которым произошло чудо: указывается его имя, звание, откуда он родом и точная дата, когда произошло с ним чудо. Во-вторых, называются свидетели болезни и свидетели исцеления (соседи, весь священный собор, градские люди). В-третьих, повествование, как правило, ведется от лица исцеленного. При этом сама обстановка, в которой герой рассказывает о своих злоключениях, напоминает обыкновенную процедуру освидетельствования «чуда», и автор их выступает как протоколист, записывая все обстоятельство при оглашении «чуда».

Характерной чертой этих рассказов о «чудесах» устюжских святых является также их демонологический колорит: герои «чуда» — бесноватые, иступленные, одержимые, скорченные — находятся во власти демонов и бесов, пока не приходят к ним — по их молитве или обету — их чудесные спасители Прокопий и Иоанн. Прямую перекличку между Чудом о бесноватой Ефросинье, входившим в Иоанно-Прокопьевский цикл, и Чудом о бесноватой Соломонии можно видеть в сцене исцеления героинь: святой жезлом вспарывает чрево бесноватой, освобождая ее от беса. ³¹

Отмеченные особенности последних «чудес» цикла в своей совокупности позволяют предполагать, что все они были написаны одним автором, а именно попом Ияковом, которому принадлежит переработка Чуда о Соломонии бесноватой. ³²

Таким образом, неизвестный священник одной из устюжских церквей явился последним редактором Иоанно-Прокопьевского цикла, который собрал и стилистически переработал известные письменные и, возможно, устные источники о жизни Прокопия и Иоанна. Следует отметить, что труд его оказался значительно шире по своим задачам и целям, чем труд простого агиографа. Начитанный книжник, в совершенстве владеющий традиционными приемами агиографии, и мастер сюжетного повествования явился очень тонким наблюдателем жизни устюжан. В традиционной форме житийного «чуда» оказались запечатленными важные моменты из жизни средневекового города, быта устюжского населения. Так, например, в Чуде о иступленном Феодоре, включенном только в один из местных устюжских списков цикла, рассказывается о конфликтной ситуации между посадскими людьми и приказной верхушкой города, причем незадачливый приказной ока-

³⁰ ГПБ, Q.I, № 1210 (Чудо о иступленном Феодоре), л. 366 об.

³¹ Ср.: БАН, 45.10.2, л. 234 (Чудо о бесноватой Ефросинии) и Житие Прокопия Устюжского (Чудо о бесноватой Соломонии). С. 143—190.

³² М. О. Скрипиль одним из первых обратил внимание на эти особенности памятника; см.: Скрипиль М. О. Повесть о Соломонии. С. 199—209.

зывается потерпевшим.³³ На основании «чудес» можно получить сведения о торговых операциях устюжан с населением других городов и краев, например: «. . .прииде некий человек именем Козма отец ему бе Зиновий от Ветлужскпя страны, крестьянин боярина Федора Ивановича Шереметьева Троицкого приходу Галицкого уезду. И пришедшу ему на Устюг Великий со иними многими клеветы своими, понеже бо обычай имети им по вся лета приходити на мсках своих на Устюг с товары и с хлебом».³⁴ Здесь также подтверждаются некоторые документальные свидетельства об отходе устюжан в сибирские города: в Чуде о жене именем Марфе (1656) говорится, что муж ее был во время ее болезни в сибирских городах.³⁵

Устюжский житийный цикл о Прокопии и Иоанне окончательно сложился во второй половине XVII в. и представлял собой своеобразную легендарную летопись, в которой оказались запечатленными история и быт народонаселения Устюжского края более чем за 400 лет. При этом существенно отметить, что цикл создавался не в одном конкретном месте — при монастыре или одной из устюжских церквей. Мы имеем возможность говорить о своеобразном коллективном творчестве устюжан над созданием городского житийного свода, в котором приняли участие авторы не только различных исторических эпох, но и авторы-современники (автор Повести о избавлении града Устюга. . . и поц Ияков).

Устюжская летопись, теряя свои чисто практические функции, в течение XVI—начала XVII в. приобретает иное значение, и уже во второй половине XVII в. она, очевидно, воспринимается устюжанами как памятник истории своего города, переписывается заинтересованными людьми с добавлениями в нее некоторых сведений из других источников, как об этом свидетельствует список Мациевича.³⁶ Так, вне основного текста летописного свода на л. 270 рукописного сборника, в состав которого был включен список, содержатся летописные известия о смерти устюжского чудотворца Прокопия (1303) и известие о закладке в Устюге каменной церкви во имя Прокопия (1668).³⁷ В составе Архангелогородского летописца эти известия не упоминаются. По-видимому, их не существовало и в том списке Устюжской летописи, с которой была снята копия Архангелогородского летописца для Афанасия Холмогорского. Свидетельством того, что устюжское летописание было возобновлено в конце XVII в., являются не только список Мациевича конца XVII в. и городской устюжский летописец, сохранившийся в списках XVIII в., но и черновики летописных

³³ ГПБ, Q.I, № 1210, л. 362 об.—367. Рукопись принадлежала Троицкому Гledenскому монастырю.

³⁴ Житие Прокопия Устюжского. С. 110.

³⁵ Там же. С. 128.

³⁶ Салмина М. А. Вновь обнаруженный список Устюжской летописи // Рукописное наследие Древней Руси: (по материалам Пушкинского Дома). Л., 1972. С. 267—271.

³⁷ ПСРЛ. Т. 37. С. 4.

записей второй половины XVII в., сохранившиеся среди документальных источников по истории Устюжской епархии.³⁸ Из этого черновика с летописными известиями можно понять, что человек, написавший их, очевидно, по имени Гавриил, родился в 1619 г., 26 марта, на праздник собора Архистратига Гавриила («Лета 7127 году марта в 26 день родился многогрешный и непотребный и не могий нарецися именем, только божиим изволом нарещено мне имя того и месяца в 26 день Собор архистратига Гавриила»). Гавриил — одно из наиболее реальных лиц в Устюге, который мог продолжить находящееся в упадке после длительного перерыва устюжское летописание. Мы не имеем списка летописи, составленной, возможно, Гавриилом в конце XVII в., однако черновики и поздние местные устюжские летописцы показывают, что XVII век в развитии устюжской письменности обозначен широким интересом к историческому знанию среди посадских и приказных людей.

В двух рукописных сборниках (ГБЛ, Музейное собр., № 1836 и ГИМ, собр. Уварова, № 495) среди других статей имеются краткие заметки летописного характера. В Уваровском сборнике летописные записи касаются в основном современных событий конца XVII в., в них зафиксированы даты присылки в Устюг царских грамот («184 (1676) февраля 16 прислана на Великий Устюг. . . грамота. . . о смерти Алексея Михайловича»), прибытия на Устюг нового воеводы Андрея Петровича Измайлова в 1691 г.; записи о климатических изменениях местного характера («199 (1691) году сентября в 28 день стал лед на Сухоне реке противу Устюга»), а также записи личного характера («194 (1686) году марта в 20 день приехал яз, Васка, в Шолскую волость писат икон»).³⁹ Подобного рода краткие летописные заметки можно характеризовать как дневниковые записи владельца рукописи, сделанные на память для себя. Появление таких заметок на листах «личной книги» — знаменательный признак зарождения нового жанра письменности в среде посадских людей Великого Устюга — дневниковых записей.

Что касается заметок в рукописи № 1836 Музейного собр., то они представляют собой краткую выборку из других летописных источников сведений о датах рождения и смерти государей, военных сражений, событий церковной истории, «чудесах», природных бедствиях; составителя «летописца» привлекают факты строительства городов и церквей. По мнению исследователя этой рукописи С. О. Шмидта, этот «летописчик» был составлен в посадской среде, так как вряд ли случайно там оказались сведения о посадке и о реформах, касающихся «посажан».⁴⁰

³⁸ Археографический обзор списков см.: ПСРЛ. Т. 37. С. 3—14; Акты Устюжской епархии (РИБ. Т. 14). СПб., 1892. Стб. 860—863.

³⁹ ГИМ, собр. Уварова, № 495, л. 166—166 об. К. Н. Сербина не использует эти материалы при анализе поздних устюжских летописцев.

⁴⁰ Шмидт С. О. Заметки о рукописи № 1836 Музейного собрания // Зап. Отдела рукописей. М., 1977. Вып. 38. С. 150—157.

К числу неизученных в историко-литературном отношении памятников местной книжной традиции Сольвычегодска и Великого Устюга второй половины XVII в. принадлежит Сказание о Логине Коряжемском. В нем повествуется об основании Николаевского монастыря, расположенного на речке Коряжемке в пятнадцати верстах от г. Сольвычегодска на левом берегу реки Вычегды, монахом Павло-Обнорского монастыря старцем Логиним. По свидетельству автора Сказания, Логину принадлежала икона животорящего креста, на нижнем крае которой осталась дата: «7043-го» (1535), что позволяет относить начало основания монастыря ко времени не ранее 35—40-го годов XVI в.⁴¹

Упоминания о Логине Коряжемском, о его приходе на речку Коряжемку и краткий рассказ об устройении им обители зафиксированы в летописце г. Сольвычегодска середины XVIII в. (ГПБ, Q.I, № 835, л. 31 об.—39 об.), а также в Истории г. Сольвычегодска Алексеем Соскиным (ГПБ, Q.IV, № 403, л. 167—182). Такое внимательное отношение летописцев, историков края к этому памятнику позволяет сделать вывод о важном значении памятника для культуры Устюжского края.

Из множества сохранившихся документальных источников (переписных и писцовых книг Сольвычегодского уезда и монастырских описей) видно, что Николо-Коряжемский монастырь в течение XVI—XVII вв. играл заметную роль в хозяйственной и культурной жизни Устюжского края.⁴² Он отличался от других устюжских монастырей значительными земельными владениями, расположенными в бассейне реки Виледи, притока реки Вычегды; в конце XVI в. к нему была присоединена Христофорова пустынь, расположенная в верховье речки Малая Коряжемка и основанная учеником Логина старцем Христофором.⁴³ Вкладчиками монастыря были многие богатые купеческие роды Сольвычегодска и Великого Устюга. Известны, например, богатые вклады Строгановых.⁴⁴ Хотя Николо-Коряжемский монастырь, вероятно, нельзя относить к числу ктиторских, принадлежащих Строгановым, как Троицкий Сольвычегодский, однако большая часть монастырского клира состояла из удалившихся на покой людей Строгановых, среди которых, несомненно, были переписчики книг и живописцы.

Уже в 80-х годах XVI в. в монастыре была богатая по тому времени библиотека, в которой насчитывалось около 85 книжных единиц,⁴⁵ что превышает по количеству книг библиотеки в других устюжских монастырях, а по репертуару не уступает таким,

⁴¹ См.: Сказание о Логине Коряжемском // Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Рукописные книги XIV—XVIII вв. Вологодского областного музея. Вологда, 1987. Ч. 1, вып. 1. С. 422—428.

⁴² Там же. С. 417.

⁴³ См.: Сказание о Христофоровой пустыни // ГПБ, Q.XVII, № 142, л. 86.

⁴⁴ БАН, 45.10.8, Кормовая книга Николо-Коряжемского монастыря, л. 88—90.

⁴⁵ Лилачев Н. П. Библиотека Коряжемского монастыря в 1586 г. // Библиограф. СПб., 1889. № 3. С. 86—87.

как библиотеки Антониево-Сийского и Соловецкого монастырей. К концу XVII в. библиотека Николо-Коряжемского монастыря уже имела более 200 книжных единиц.⁴⁶

Расцвет культурной жизни монастыря следует относить к середине XVII в. В это время игуменом монастыря становится будущий епископ Александр Вятский (1643—1651), уроженец Подмонастырской слободы Сольвычегодского уезда.⁴⁷ Имя этого церковного деятеля, сравнительно быстро продвинувшегося по ступеням церковно-монастырской иерархии от скромного постриженника Николо-Коряжемского монастыря до епископа Коломенского, а затем Вятского, становится заметным в период острой идеологической борьбы между сторонниками старообрядческого движения с патриархом Никоном. Известны его полемические послания к царю Алексею Михайловичу против Никона и «сличительные» труды новопечатных и старых книг.⁴⁸ Традиционалист по убеждению, Александр Вятский явно сочувствовал идеологам старообрядчества, вместе с тем он до конца своей жизни не смог порвать с официальной церковью. Такую двойственность его позиции следует, вероятно, объяснять складом его характера: человека, осторожного в выборе той или иной крайней позиции в развернувшейся идеологической борьбе, кроме того, тяготеющего всего более к деятельности книжника-начетчика, богослова-филолога. Любовь Александра Вятского к книгам выражалась и в том, что он имел у себя первоклассную по тому времени библиотеку, большая часть которой была пожертвована им «в свое обещание» в Николо-Коряжемский монастырь (за время с 1651 по 1674 г. от него поступило 37 книг).⁴⁹

Среди книг, когда-то принадлежавших Александру Вятскому, находился и ранний список Службы и жития Логина Коряжемского, датируемый концом 70-х годов XVII в.⁵⁰ Вероятно, он написан самим Александром Вятским. Последнее «чудо» в нем относится к 1678 г. (известно, что Александр умер в 1678 г.), причем список переписан одной и той же рукой, как и Книга Дионисия Ареопажита (БАН, Устюжское собр., № 71). Кроме того, в книге, где содержится сказание, более поздним почерком (начала XVIII в.) приведены некоторые биографические факты и перечислены вклады Александра в Николо-Коряжемский монастырь. Вероятно, тот, кто делал эти записи, осознавал эту книгу как соб-

⁴⁶ См.: Власов А. Н. Проблемы развития книжной и литературной традиции Великого Устюга и Сольвычегодска в XVI—XVII вв.: Дис. . . канд. филол. наук. Л., 1985. С. 27—29.

⁴⁷ Подробнее о жизни Александра Вятского см.: Верещагин А. С. Из истории Вятской епархии: Первый епископ вятский Александр (1658—1674) // Тр. Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1909. Вып. 2. С. 7—8.

⁴⁸ См.: Бубнов Н. Ю., Власов А. Н. Александр Вятский — писатель и книжник XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 375—380.

⁴⁹ Власов А. Н. Библиотека Александра Вятского // Наука Урала: Ежедневник Урал. науч. центра АН СССР. Свердловск, 1985. № 45. С. 4.

⁵⁰ См. описание списка в кн.: Памятники письменности Вологодской области. . . Ч. 1, вып. 2. С. 136—137.

ственность бывшего епископа.⁵¹ «Сказание о зачале великаго чюдо творца Николы Коряжемского монастыря и о начальнике игумене Логине» создавалось, по-видимому, в те годы, когда Александр находился в Николо-Коряжемском монастыре (1631—1651 и 1674—1678): об этом автор говорит в последнем «чуде»: «В лето 7186 (1678) месяца июля в десятый день. . . Понеже исперва до сего за тридесят и пять лет слышах от многлетных старец о преподабном мало нечто о житии и о чудесех, иже написати его же молитвами».⁵² Как видим, указывается примерно 1642/43 г. — время поставления игуменом монастыря Александра, который, вероятно, и начал письменно фиксировать и собирать сведения об основателе монастыря. Тогда же сложился и основной корпус сказаний о «чудесах» Логина: период между вторым и предпоследним из них совпадает со временем жизни Александра в этом монастыре (1618—1646). Значительный временной интервал между предпоследним и последним «чудесами» (1646—1678) показывает, что к сказанию долгое время никто не обращался. Хронологически это совпадает со временем отсутствия Александра в монастыре. Возможно, что Сказание о Логине писал сам Александр Вятский, причем свой труд он оставил незавершенным, так как в тексте памятника нет обязательного для агиографа элемента Похвального слова Логину и «слова о составлении жития»; кроме того, в тексте раннего списка оставлены пустые места для написания названий и дат в некоторых рассказах о «чудесах» святого. Все эти факты подтверждают, что автором сказания являлся Александр Вятский.

В кратком тексте памятника фиксируются основные моменты жизни святого: его приход на речку Коряжемку, устройство обители и представление. Установка, данная в начале сказания: «се же предиреченное глаголах начала ради и летописи», — сужает возможности и задачи повествования, ограничивая его краткими сведениями исторического характера из жизни Логина.

В литературном отношении интерес вызывают «чудеса» жития. Характерно, что в основу некоторых из них были положены местные происшествия, которые всегда служат благодатной почвой для возникновения различного рода суеверных рассказов. Правда, объяснение и мотивировку они получают, когда попадают в свод «чудес» местного святого, в свете узких христианско-дидактических задач. Так, материалом для 4-го «чуда» послужил рассказ, имеющий своеобразный любовный сюжет из жизни местных крестьян, о том как группа юношей пыталась свратить красивую женщину; основой 6-го «чуда» послужил суеверный рассказ о некоем земледельце Луппе, который нарушил запрет, работая в праздничный день, и за это был наказан. Обращение к такого рода фактам жизни местного населения, попытка создать живую

⁵¹ Вологодский областной краеведческий музей (далее — ВОКМ), № 2151, л. 57 об.—58. И. Верюжский полагает, что служба Логину Коряжемскому была составлена игуменом Александром; см.: *Верюжский И.* Исторические сказания о жизни святых. Вологда, 1880. С. 486.

⁵² ВОКМ, № 5121, л. 57.

картину быта говорит о том, что в художественном сознании автора произошел определенный перелом. Эта тенденция обнаруживает определенный переход в сторону беллетризации «чуда», а следовательно, к перемене читательского и авторского отношения к материалу «чудесного». Очевидно, это связано с изменением мировоззрения человека XVII в. Наметился также переход в жанровом сознании: от «чуда» как малого жанра агиографической прозы к бытовой новелле, образцы которой уже проникли на русскую почву в известных сборниках «Великое зеркало» и т. п.

«Сказание о зачатии пустыньских обители, еже есть вверху Малые Коряжемки и о начальнике старце Христофоре и о чудесах от иконы пречистые богородицы честнаго и праведнаго ея Одигитрия и о благодатной воде чудеса велми предивны» сохранилось в единственном списке конца XVII в., входящем в состав сборника-конволюта конца XVII—начала XVIII в. (ГПБ, Q. XVII, № 142). На основании замечаний «списателя» мы можем относительно точно предположить, что окончательный текст Сказания сложился во второй половине XVII в., во время жизни и деятельности Александра Вятского, который был игуменом Николо-Коряжемского монастыря и затем жил там после оставления им епископской кафедры в Вятке. В тексте говорится о расцвете пустыни в середине XVII в. как современном событии во время игуменства Александра («в нынешние лета. . .»). В функционально-жанровом отношении Сказание тяготеет больше к жанру «богородичных повестей», чем собственно к житию. По структурным особенностям это скорее развернутый патериковый рассказ с включением «чуда» богородичной иконы. Композиционно Сказание распадается на две большие части. В первой части рассказывается история основания и затем заупустения Христофоровой пустыни, во второй — о «чуде» от иконы Богородицы.

Источниками первой части повествования, очевидно, явились устные рассказы легендарного характера, возникшие в среде монастырских иноков. Некоторые из этих легенд попали в различные источники. Так, в рукописи под общим названием Сольвычегодский летописец (ГБП, Q. I, № 835, л. 43—44 об.) зафиксирован позднейшим составителем рассказ о «чуде» о чудотворной иконе Одигитриц, бывшей в Христофоровой пустыни. Сольвычегодский историограф Алексей Соскин повествует о том, что многие местные поселяне рассказывали ему об истории Христофоровой пустыни и «чудесах» от иконы и благодатной воды. Так, он приводит Предание о наказании некой блудницы, искупавшейся в Христофоровом источнике.⁵³

Однако устная основа Сказания о Христофоровой пустыни в сохранившемся памятнике сопровождается множеством книжных сюжетов, отдельных библейских мотивов и цитатами из Священного писания.

---

⁵³ ГПБ, Q.IV, № 403, л. 176—182.

Важное место в идейно-тематическом содержании сказания занимают темы «неправедного пастыря, пасущего стадо словесных овец», «несправедливо убиенного праведника» и мотив провиденциализма. В разработке этих тем и мотивов автор Сказания опирается на известный сюжет об испытании Христом в образе нищего странника возгордившегося игумена, снискавшего себе славу праведника, но затем согрешившего и отказавшегося от былых христианских добродетелей, а также пересказывает сюжет об убиении святого Никиты Переяславского и др.⁵⁴

В челобитной к Алексею Михайловичу, направленной против бывшего патриарха Никона, Александр называет его пастырем, который «не брегий Христова стада».⁵⁵ Сквозной эта тема является и в другом его послании — «Вопросы к собору наименьшего из архиреев»: «стада словесных овец смотряще, тем полезнее» и т. д.⁵⁶

Яркая струя публицистичности нашла выражение в разработке некоторых мотивов, не всегда связанных с развитием основного сюжета Сказания о Христофоровой пустыни. Часто толчком к развитию внесюжетного повествования служит простая ассоциация. Например, после возвращения от царя Ивана Грозного старец Христофор начал думать, «како бы обитель сия лучше устроить». Это дает повод составителю сказания отклониться от основного хода сюжетного повествования и разработать мотив провиденциализма: «По некоем же времени богу единому владельцу и содетелю вся твари, господу и Спасу нашему Иусу Христу, сведущу вся видимая и невидимая, творимо человеки или добро, или зло» и т. д.⁵⁷ Факт исчезновения старца также является причиной введения в повествование сюжетного мотива о смерти Никиты Столпника Переяславского чудотворца и общих христианско-дидактических сентенций на тему смерти.

Перечень подобных фактов можно продолжить, однако в данной работе для нас важно показать, что оба эти агиографические сказания имеют прямое отношение к литературной деятельности уроженца Устюжского края епископа Александра Вятского.

В заключение следует подчеркнуть, что важнейшей особенностью литературных памятников XVI—XVIII вв. устюжского происхождения является их своеобразный жанровый сплав, позволяющий характеризовать эти памятники как историко-агиографические. Выявление имен создателей и составителей малоизвестных и малоизученных поздних повестей, сказаний и летописных записок позволяет сделать вывод об устойчивости устюжской литературной традиции XVI—XVII вв.

⁵⁴ ГПБ, Q. XVII, № 142, л. 92 об.—93, 99 об.—101 об.

⁵⁵ ГБЛ, Рогожск. собр., № 667, л. 191 об. Благодарю Н. Ю. Бубнова, указавшего на список сочинения Александра Вятского в составе сборника.

⁵⁶ Там же, л. 480 об.

⁵⁷ ГПБ, Q. I, № 142, л. 91 об. Текст памятника приведен ниже.

4. 82 СКАЗАНИЕ О ЗАЧАТИИ ПУСТЫНЬСКИЕ ОБИТЕЛИ, ИЖЕ ЕСТЬ
ВВЕРХУ МАЛЫЕ КОРЯЖЕМКИ, И О НАЧАЛНИКЕ СТАРЦЕ ХРИСТО-
ФОРЕ, И О ЧЮДЕСАХ ОТ ИКОНЫ ПРЕЧИСТЫЕ БОГОРОДИЦЫ
ЧЕСТНАГО И СЛАВНАГО ЕЯ ОДИГИТРИИ, И О БЛАГОДАТНОЙ ВОДЕ
ЧЮДЕСА ВЕЛЬМИ ПРЕДИВНЫ¹

В последняя и нынешняя времена по 7063 лето содеяшеса
преславная чюдеса в державу Российскаго царствия самодер-
жавна господаря благочестиваго царя и великаго князя Ивана
Васильевича всея России. Приидете, отцы и братия честныи,
со ими иноческии и мирскии, малаи и велицыи, мужие и жены,
девы и младенцы, старыи и юныи, и вся возраст, мужескии полу
4. 82 // Послушайте со усердием, приклоните ушеса ваша
об. во услышание глаголемых и внушите со вниманием о преславных
чюдесах пречистыя богоматери владычицы нашея Богородицы
и приснодевы Марии от чудотворнаго ея образа пречестнаго
и славнаго ея Одигитрия.

Речено бо есть во святом писании: «Тайна царства добро есть
хранити, а дела божия проповедати со усердием и со дерзнове-
нием». Преславно есть и духовнаго торжества исполнено всем
послушающим со усердием предивныя повести сея.

Господем реченныя во святом Евангелии ко учеником своим:
«Просите и дастся вам, и ищите и обрящете, толцете и отверзеста
вам, а прославляющего мя прославлю». Рече же святыи пророк
Давид: «Отрыгну сердце мое, слово благо глаголя, аз дела моя, //
4. 83 царев язык — трость книжника и скорописца». И паки рече
пророк: «Господи, уста мои отверзеша и уста моя возвестят хвалу
свою». И паки глаголет псаломщик: «Возвещу имя твое братии
моей и посреде церкви воспою тя». И паки речено во святом Еван-
гелии: «Не может град, верху горы стоя, укрытися, ни светильник
возжен, под спудом поставлен, *не видим* бывает, но на свещнице —
и светить всем, и входящии видят свет». И паки реченное про-
роком: «Праведник, яко финик процветет, и яко кедр, иже и ли-
ван умножится, яко дерево, насаждено при исходящих вод, про-
стирающий розги своя от моря и до моря, яко крины селныя
4. 83 // возделан, сладости
об. испущающа ис человеческия гортани и услаждающа ея, и верных
сердца веселяще».

И паки на предиреченная возвратимся. Руце мои ослабеста
и язык мя косним, сердцем воишем, и ум нудит ми о предиречен-
ных пресвятыя Богородица чудотворныя ея иконы чюдесех под-
робну рещи. Грешныи и недостойны раб, косныи языком и несмыс-

¹ Текст публикуется по списку ГПБ, Q.XVII, № 142. Ошибочные и нечеткие чтения и пропуски механического характера даны курсивом. Текст публикуется в современной орфографии; выносные буквы внесены в строку.

ленный умом, елико слышах, и некая сила поощряет мя рещи. Яко елень желает на источники водныя, тако и душа моя будет.

Великая и преславная чудеса пресвятыя богородицы от чудотворныя ея иконы повсюду сияют, яко от источника приснотекущего вода черплющая не оскудевает и жажду утоляет, тако и от пресвятыя слава повсюду сияет. И на прежереченная // возвратимся о действии чудесех пресвятыя богородица по некоем же благоверному и благочестивому и христолюбивому государю православному царю и великому князю Ивану Васильевичу, самодержцу всея Русии.

И помыслившу государю во святое царское богомолне подвигу и труды показати. Богом подвизаем и аггелом укрепляем, к пучнему шествию поощряем ко святым чудотворным иконам и преподобным отцем молитися в честных обителях о мире, о тишине и о устроении земьстем, и о всех православных христианех от нахождения иноплеменных безбожных варвар и латын и междуусобныя брани, и со своею благоверною царицею и великою княгинею Анастасиею о спасении душ и о многолетнем своем здравии. И вдаяся государь пучному шествию в Родонежскую // область во обитель Живоначалныя Троицы к преподобному и богоносному отцу Сергию чудотворцу и оттуда к белоозерским святым во обитель преподобнаго отца нашего великаго чудотворца Кирила. И во обителях молебная творяще и от царския своей ризницы милостыню одели велицей. Оттуду возвращается благоверный царь и великий князь со своею царицею великою княгинею Анастасиею и своим царским синклитом на свои царской престол в именитый град Москву.

И по мале времени благоверная царица Анастасия впадше в скорбь великую ово чадородия ради своего, ово болезни ради своих благородных чад, а ино лишения ради по преставлении к богу отшедших прежних своих чад. Якоже бо исперва реченно господем к прабабе нашея Евве: «Ты бо в болезни своей родиши чада своя». И оттол всяка жена, // рождающи чада своя, бываше в велицей в скорби и болезни. И паки пророк Исаия вопиет в песни своеи: «Господи! В печали помянухом тя, в печали мале наказание твое нам! Яко болящая приближается родити и в болезни своей вопияще, тако быхом возлюбленному твоему страха ради твоего во чреве прияхом и поболехом, и родихом дух спасения».

Тако же и сия благоверная царица Анастасия, аще и в скорби велицей и бываше, но з благоверным своим и христолюбивым царем и великим князем Иваном Васильевичем в своих безпристанных молитвах к богу Спасу и госпуду нашему Иисусу Христу и пресвятой его матери и владычицы нашея Богородицы и приснодеве Марии имуще веру несумьнену и любовь нелицемерну. И по многим обителям и по пустынем к божпим церквам велню милостыню творяще непрестанно. И елико онп к богу молящися, толико и бог своею милостию на них призирает и чудеса своимн благовернаго царя и з благоверною царицею удивляет и прослав-

а. 85
об. ляет // ово ото икон чудотворных своего божественнаго подобия, ово же от пресвятыя своея богоматере образа, а ино от мощей и от гробов своих угодников и чудотворцев, и иное ото освященных своих благодатных вод телесем здравие и душам спасение подавающе, милостию и щедротами и человеколюбием своим божественным источником источающе неоскудно.

И се ныне воистину приспе время сказанию о действии и о чудесех пресвятыя владычицы нашея богородицы и присно девы Марии от чудотворнаго ея образа честнаго и славнаго Одигитрия и о благодатной воде, еже есть у обители ея пречистыя богородицы в той же пустыни. О сем достойно послушати всякому роду христианскому, духовно внимати разумно, дабы и нам получитьи душам спасение и телесем здравие и будущих благ наслаждение. Подобаает же началу благу быти и концу потребну, то и совершенство приемем. // Еже и zde воспомянем преже о зачатии обители сея преславныя Богородицы и о началнике Христофоре, потом же и о чудесех от речюсяша Богородицы и от чудотворныя ея иконы и от благодатныя воды, иже бо все по ряду предлежить. . .²

а. 86
об. Сеи убо старец Христофор по преставлении началника Логина, минувшу десять лет или вяще ми, прииде, не ведом коего града или какову родителя сын, и вселися в пустыню: и ту трудися о господе, и житие безмолвно возлюби, паче пустынное, моляся богу и пресвятеи Богородице непрестанно; и пищу себе уготовляше своими труды, и от того питашеся, паче же пребывая в посте и в молитвах. И божиим промыслом некотории человецы к нему в пустыню прихожаху и постригахуся, и братству совокупляхуся, и труды к трудам прилагаху: // место разчицаху и келлеи поставяху, и обитель во имя пресвятыя Богородицы составляху. И сеи Христофор старец месту тому началник бываше.

а. 87
об. И бог восхоте оне пустынное место прославити: яви два источника, источающии неоскудно на здравие телесам, на спасение душам человеческим. Сей же предипомянутый старец Христофор имея у себе в пустыни сокровище благодатное — чудотворную икону пресвятыя владычицы нашея богородицы честнаго и славнаго ея Одигитрия. Приложи же бог к сеи чудотворной иконе матери своея заступницы и помощницы рода христианскаго богородицы и приснодевы Марии ино чудо преславно. Да и паче прославить чудотворную икону матери своея пресвятыя богородицы, яви бог чудо предивно: в той же пустыни, недалеко от церкви пречистыя богородицы, течаше вода ис камени. Камень же бе, аки жернов, невелик, над рвом и благоуханием, аки фимиям. . .³ // На камени же том, откуда же вода изхождает, аки чаша устроена, и черплющия воды от того камени николе же умаляется и до сего дне, и всяк, иже с верою причащающися сия благодатныя воды, душам спасение и телесам здравие получают. И паки восхоте бог прославити чудотворную икону пречистыя своея богоматере

² Далее текст не читается.

³ Далее текст не читается.

честнаго ея Одигитрия и ту благодатную воду, еже от камени течашу.

Бысть некое время благоверной и христоролюбивой царице и великой княгине Анастасие внезапно в скорби велицей, болезни одержими бяше. И много ея з благоверным своим царем Иваном Васильевичем к богу и к богородице моляшуся, дабы ея, благоверной царице Анастасие, получитьи здравие. Всещедры же и долготерпеливыи и многомилостивыи господь бог наш молитвами пречистыя своея богоматери услыша молитву их и дает благодать въскоре любящим // его. И zde же мать свою, пресвятую владычицу нашу богородицу и приснодеву Марию, паче же реку, чудотворную ея икону богородицину и славнаго ея Одигитрия прославляет. Благоверной же царице Анастасии, в царском своем дому во едину от ноцей почивающую в тонце сие от скорби великия, и виде во сие жену преславну суцу и преукрашену в велицей славе, глаголюще ей тако: «Царице Анастасие, аще мя призываеши на помощ к богу Исусу Христу, сыну моему, и хочещи от сея скорби спасение получитьи и здрава быти, повели вскоре послати в пустыню пречистые богородицы, идеже святой чудотворный образ честнаго и славнаго ея Одигитрия. Словет яже начала ради та пустыня Христофорова, место бо еще пусто и не бе славно и людем малосведущим; но токмо ты не ослушайся, повели идти тамо, да принесут оттуду богом дарованья моея воды, еже преславно от камени истецает. Да аще получите сию воду, у себе велие спасение приимеши и здрава // будеши».

л. 57
об.

л. 88

Царица же от сна возбуждися и поведа благоверному царю Ивану Васильевичу таково страшно видение о такове благодати. Благоверный же и христоролюбивый государь царь и великий князь Иван Васильевич, слыша от своея благоверныя царицы и великия княгини Анастасии такава страшно и преславно поведание, умилно слезы ото очию своею испущаше и немало сумнящеся, но паки и всю свою печаль возложи на бога и на пресвятую богородицу.

Реченное бо есть пророком: «Возверзи на бога печаль твою — и той поможет ти». И паки: «Яко царь уповает на бога и милостию вышняго не подвижется». Благоверный же царь Иван Васильевич никакo неразмышляя о судьбах божиих, но паче уповая на милость господню и на заступление и помощь пречистыя богородицы, вскоре избирает от своих царьских чиновников, служащих ему, и в пустыню ко пречистой богородице посылает. Да тамо, дальняго ради пути, молебная пения к пречистое богородице ствоя и благодатныя воды освятят и в его царской дом да привезут то великое чудо пресвятые богородицы.

И о сем, братие, подобает нам // духовно внимати и разумно послушати. Слышах бо о сем, но недоуме, яко истиннаго исписати — или неким божиим откровением, или своим. Он, начальник Христофор, умышлением готовяхся итти к царствующему граду Москве, к благоверному царю и великому князю Ивану Васильевичу и благоверной царице и великой княгине Анастасие ис пу-

л. 88
об.

стыни пречистые богородицы с честным и животворящим крестом господним и со святою благодатною водою, ея же воды благоверная царица Анастасия желает. Но уже начальник Христофор путнему шествию касается и к царствующему граду Москве приближающу ся, от благовернаго же царя Ивана Васильевича и от царицы посланным их не успе еще ехать в пустыню. И паки благоверная царица Анастасия второе приславное видение виде во сне и слышаще глаголемая // сице: «Царице Анастасие! Что спасению своему медлиши? Посли скоро во сретение чуднаго и животворящего креста господня и освещенная мое же благодатныя воды, еже суть же имеши от моя пустыни, уже бо недалече града Москвы старец идет с честным крестом и со святою водою».

Благоверная же царица возбнув от сна и сказа благоверному царю и великому князю Ивану Васильевичу вся, яже видеша и слышаша. По исповедани же том благоверный царь Иван Васильевич и благоверная царица Анастасия от предстоящих им послаша во сретение честнаго и животворящего креста господня и святыя благодатныя воды пречистые богородицы пустыни. Посланныи же от царя и царицы изыдоша во сретение честнаго креста и святые воды. И недалече от царствующего града Москвы отойдоша и узреша противу себе идущи ко царствующему граду Москве некоего старца, имущи с собою честныи // крест господень и святую воду. И вопрошаше послании от царя, рекше ко старцу: «И откуда еси ты, честный отче, и коея обители, камо грядеши?» Он же им поведа коея страны и коея пустыни, и имя свое изрек: «Аз есть грешный чернец Христофор оная пречистыя богородицы пустыни и иду с честным крестом господним и со святою водою к благоверному и христорлюбивому царю Ивану Васильевичу и к его благоверной царице Анастасие посетити их святою водою от пречистыя богородицы ис пустыни». Слышавше же послании от царя, яко тои есть, его же ищяхом, но вскоре и обретохом. И с радости и его взяша с собою и ведоша его в дом царьский, и о сем повешаше благоверному царю Ивану Васильевичу и благоверной царице Анастасии. Видев же благородный царь Иван Васильевич з благородною своею царицею Анастасиею, збывшися преславное царице явление, // яко же бог и пречистая богородица восхоте, тако и сотвори и посети боящихся и повинующихся, творящих волю божею. И взяша старца Христофора с честными и животворящим крестом господним и со святою водою благоверной царь Иван Васильевич во свои царьские полаты. И начаша пети молебен Спасу господу нашему Иисусу Христу и пречистой его богоматери, владычицы нашея богородицы и приснодеве Марии честнаго и славнаго ея Одигитрия. И молящися царь и царица Спасу и пречистей богородицы о державе своего царства, о мире и о тишине, и о устроении плодов земных, и о своем благоверным царь и благоверная царица душевном спасении, и телесном здравии.

И благоверный царь Иван Васильевич знаменася честным и животворящим крестом господним и святою водою, ею же Христофор

от пречистыя богородицы ис пустыни принесе сам, царь окропился. По сем и благоверную царицу Анастасию повеле тако же честным и животворящим // крестом благословити и тою же святою водою окропити. И по сем тое святыя благодатныя воды благоверная царица Анастасия пила во освещении души и на здравие телеси. И в тот час ото одержажия ея скорбныи болезни благоверная царица Анастасия бысть здрава. И никако же очюти в себе никоя скорбни: Збысться господом реченное во святем евангелии: «Всяк, иже с верою чесо просяи у мене, приемлет и спасение улучит». И паки: негде в писании о пречистое деве нашеи богородице и приснодеве Мариц, рече иное от нее богородицы, тако: «Иде же икона моя будет, и благодать моя с нею пребывает». Видев же благоверныи царь Иван Васильевич преславное чудо от святыя благодатныя пречистыя богородицы ея пустыни воды: благоверная царица Анастасия получи здравие. И бысть благоверныи царь Иван Васильевич и со своею благоверною царицею // в радости и веселии велицем. И в то время благоверныи а. 91 и христоролюбивыи царь государь и великий князь Иван Васильевич, всея Росии самодержавец, по совету с своею благоверною и христоролюбною царицею и великою княгинею Анастасиею пречистые богородицы пустыни начальника Христофора пожаловал и вдал в дом пречистые богородицы милостыню доволню. И отпусти его, начальника Христофора, в пустыню с миром.

Сеи же Христофор доиде же своеи пустыни и прииде во обитель пречистыи богородицы. И поведи братии свое зъбывшееся от святые воды преславное чудо и от царския милостыни возрадовашася радостию великою.

И той источник благодатныя воды ис камени, из него же истекает вода, храняше и соблюдаше честно и благовеино. Видеша бо, яко бог молитвами пречистыя своея матери, молитвами ея и заступлением прослави место сие пустынное чудотворною иконою пречистые богородицы честнаго и славнаго ея Одигитрия. // И от камени истечением благодатныя воды приходящим и приемлющим с верою всякой хрстианин, кои души на освещение и телесем на здравие. И начальник Христофор з братиею о обители пречистыя богородицы наипаче тщатися, како бы обитель сия и лучшее устрои.

По некому же времену богу единому владельцу и содетелю всея твари, господу и Спасу нашему Исусу Христу, сведущу вся видимая и невидимая, творимо человеки или добро, или зло. И ничто же от него утаено есть, и воздает в день он судный страшнаго и грознаго своего второго пришествия вся комуждо по делом.

Но zde мало побеседуем о начальнике Христофоре. Аще некий человек начнет созидати дом, удоляется от суетных человек в пустыни, обетнии место, паству овцам, и на препитание угодно. И угодно кто вселися в пустыню и нача собирати стадо // овецъ, а. 92 да некий плод ото овец обрящет, и в дар богу принесет, чая от бога мзду вторицею прияти. Искони ж враг, диявол, ненавидяи добра роду хрстианску, поучает своею змиевою прелестию у злых

человек на расхищение дому оного человека. Да поражат пастыря и раскудят овцы, и дом его оставят пуст. Но то бывает на святых места и на честных обители божия посещение, и на род христианский некия ради вины. Но ничто же врагу успевшу вся козни его вотще. Писано есть: «Аще бог по нас, кто на ны!» Тако и о сем дому пречистой богородицы честного и славного ея чудотворной иконы и о начальнике Христофоре се же. И паки начнем о Христофоре.

Како сеи начальник Христофор от сего пустынного места и от святых обители отлучися — никому не ведущу и не слышимо. ^{л. 92 об.} Или сам некия ради потребы, либо где отоиде и скончася. // Аще бы и тако бысть: *но развие* в долних странах и людем его неведущим. И се бывает на пути зверь человека похищает и раздвояет. Паче же се бывает завистию злаго врага,⁴ злых ученик учителя и наставник пути спасенному поучающе, злии же ученицы не радяще о своем спасении и учителя своих благословения и поучения не хотяше приимати, и удаляющеся в клятву. Или от иных злых человек имения ради, чая нечто обрести, убиен бысть, якоже преподобный отец наш Никита Столпник, Преяславский чудотворец, от своих сродник убиен бысть прельщением дияволим, чая от него много злата взяти. Последи же тии злии убийцы разсмотривше многотрудных его и тяжкая препростая железа, еже преподобный Никита на теле своем ношаше, тружаяся царствия ради небесного, и та железа ввергоша в реку. И о том писание ^{л. 93 об.} свидетельствует, // и донныне в его же, преподобного отца нашего Никиты, в житии. О сем же начальнике Христофоре, како его изшествие от пустыни своя и ото обители пречистые богородицы, един бог весть.

Писано бо есть в святом евангелии: «Поражу пастыря — и разыдутся овца». Тако и zde. Егде не бысть начальника Христофора той пустыни, братии же еще немногу суцу ту собрано, но и тии помале разыдошася ис пустыни. И не бысть кому в той пустыни обители пречистой богородицы строити. И нецыи от последних ту живущих братии, и придоша в честную обитель великаго чудотворца Николы, именуется Коряжемским монастырь, и поведаше игумену и братии о своем нестроении в пустыни обители пречистой богородицы. Уже бо им невозможно бе в пустыни пребывати нестроения ради обители тоя и хлебного ради глада. Место бо еще пусто и камене не бысть, и чернецы разыдошася, дабы Коряжемскаго монастыря игумен з братиею взяли ис пустыни икону пречистой богородицы // честного и славного ея ^{л. 93 об.} Одигитрия, и колокола, и прочее церковное строения.

Игумен же Коряжемскаго монастыря з братиею по прошению тех пустынских старец сотворише тако: чудотворную икону пречистой богородицы честного и славного ея Одигитрия, и с тою иконою колокола, и прочее церковное строение взяша к себе в Коряжемской монастырь. И поставиша ту чудотворную бого-

⁴ В ркп. неразборчиво.

родицыну икону в церковь великаго чудотворца Николы честно с молебным пением.

И паки воспомянем о чудотворной той богородицине иконе, да незабвение будет на чудеса ея и сие послушанием. И аще икону пречистые богородицы от своего ея дому и колокола, и прочее церковное строение в Коряжемской монастырь взяша, и место то пустынное пречистыя богородицы кончае, оставиша без пения пуста, но бог и пречистая богородица не восхоте тому месту пусто быти. Слышано // бо бысть о сем от неких человек: егда кто хождаше в лесу каковыя ради либо вещи — или птиц, или звернаго ради ловления, или иных ради каких потреб — и егда приходаше близ того пустынного места обители пречистыя богородицы, и слышаще на том месте звон велик. Не во едино время людем же, ту живущим, и колоколов не бысть, но пусто бе то место. О великое и преславное чудо пресвятыя богородицы, предъвозвещающе чудеса своими, хотящая быти своєю чудотворней иконе на прежнее свое домовное пустынное место! Но и паче словословением и церковным украшением славится, якоже и бысть. И стояла та чудотворная икона пречистыя богородица в Коряжемском монастыре в церкви великаго чудотворца Николы 12 лет.

Место же то пустынное было пусто. И без пения толико же лет и церкви разрушися, // и благодатная вода ис камени и текущая в то лето была не сохранена. Мнози простыя чады невеличави приходяще к сему благодатному источнику неистово, безчинно, аки простому езеру или болоту, и луженем черпуще воду от камени неискусно, и от камени крохи ломаше, небрежением пустоты ради места того. Не бе бо тогда кому сохранить благодатныя сия воды за неискусство неведущих людей. И аще кто емлюще тогда ту благодатную воду, а не храняще благочестием, и ничтоже у нея ползующеся. Долготерпивый же всецедрый и многомилостивый господь не до конца прогневается, ни в век враждует, ни по беззаконием нашим сотворил есть нам, нынешнему последнему роду в православии живущим, ни по грехом нашим воздал есть нам, яко по высоте небесней от земли утвердил есть господь // милость свою на боящихся его. Елико от святого востоцы от запад молитвами пречистыя его богоматери владычицы нашея богородицы и приснодевы Марии, заступницы и молебницы о роде христианском, не хочет бо бог смерти грешным, но ожидает всякаго человека на покаяния и на всяком месте хочет бог человека спасти. Якоже и прежде послаше своя ученики и апостолы во вся страны обращати и просвящати в господа бога и Спаса нашего Иисуса Христа и не токмо в него веровати, но и заповеди его творити, яко и zde господь бог в нынешнее времена род христиански. Но и паче утвержаше от чудотворныя иконы пречистыя богородицы преславны чудеса человеком в исповедех его ходити и творити волю его, якоже упрежано нам святыми апостолы и святыми отцы. И паки видите, братне, что не на едином месте бог человека спасает. Якоже пророк Да-

вид рече: «Но на всяком месте владычества его благослови, душе моя, господа».

4. 95
об. Се же чудо преславно о иконе чудотворной пречистыя богородицы честнаго // и славнаго ея Одигитрия, како восхоте отоити из Коряжемскаго монастыря во свою пустыню в прежнии свои дом в лето по 7 тысяче и по 80-м году при игумене Иове з братиею.

4. 96 Бывшу того Коряжемскаго монастыря некоему брату на монастырской службе, на овине хлеб сушил, и в нощи от труда восхоте опочинути мало. И спяще ему в тонце сне, и виде во сне некое чудо страшно и изречение бысть ему сичево: «Черноризце! Иди в монастырь скоро и поведай игумену з братиею, дабы икону пречистыя богородицы честнаго ея Одигитрия отнесли с пением честно в свое и пустынное место, идеже и сперва пречистая богородица изволи своеи иконе быти и благодати и милостивую явити человеческому роду во спасение. Зде же, в монастыри, не дозлет той чудотворной богородицыне иконе пребывати, а месту ея быти пусту». Старцу же о сем маловерием одержим бываше // и о сем игумену и братии не поведа. И паки во вторую ноц тако же бысть. Старец же той и сего не внимаще, мняше просту видение быти.

4. 96
об. Пречистая же богородица никако же восхоте ту во обители чудотворца Николы своей иконе пребывати, но в свою пустыню чудотворней своей иконе путу готовяще, да болши чудо творит. И старца сего за его маловерие устрашит и на истинный путь наставит. Якоже в прежебывшая времена во граде Казани бысть явление ото иконы пречистыя богородицы некоей девице; третицею глаголюще ей сиче: «Аще не поведаеши о иконе моеи во граде сем князем и владыкам и всему священному собору, дабы взяли икону пречистыя богородицы от земных недр, и аще о сем утаиши и вскоре не поведаши, и имаши быти пожжена огнем, и будеши мертва». Девица же сказа родителем своим, зане же той девицы бывши в то время детищем. Родители же // ея поведаше влаstem и всему собору и содеяся чудо преславно.

Якоже и сему черноризцу бысть явление третицею сиче: «Аще, черноризче, не поведаши игумену и братии о богородицыне иконе прежереченное тебе и аще о сем умолчиши, будеши за се ослушание одержим лютым недугом и расслаблен руками и ногами». Старец же слышав чудо страшное — изречение — и бысть одержим страхом, прииде скоро в монастырь и поведа игумену и братии, еже видение же слыша. И о сем ныне да умолчим.

4. 97 Зде же послушаем от заповедей господних. Писано бо есть: «Внимаєте, людие мои, закону моему, приклоните уши ко глаголы уст моих — возглаголю бо матерь всем человеком». Мы же, братии, слышаше внимаем в сердцях наших усердно и сотворим господем реченное, возлюбим господа бога нашего всею душою, а не малодушием и всем сердцем своим // и всею мыслию своею. По сему же возлюбим и ближних, аки сами себе. Кто же есть ближний? Ближай именуется всяк, пребываяи в верех в бога и творяи волю его — той есть ближний. И паки апостол и евангелист Иоанн Богослов в послании своем повелевает любити братию,

глаголя: «Тако любяи брата своего, любяи бога, и бог в нем пребывает». Слышите, братие, како Иоанн апостол велит братию любяи? Аще бо и велит братолюбие имети не просто, но с такими подобя братолюбие имети, иже кто в любви пребывает и заповеди его соблюдает — а ето есть истинное братолюбие. Есть бо инои: сатаниным убийством безумнии человецы омрачавхуся, убивавхуся и крадуще и блуд творящие, клеветюще друг на друга втайне и лжисвидетели въяве бывають и облыгатели, насилующе, грабяще, мзды неправедно емлюще и прочими, подобно такимыми же, безумнии человеки зделующеся. И от такового неправеднаго собрания // упивающеся и объедающеся, удерживате у себе мноразлична брашна и пьянственнее питие сами, аки скоти бесловеснии, без воздержания питаетеся, иных малодушных человек и слабых к себе привлачате и трапезам своим предъ седяще, и леностною честию почитаете, мнящеся. Тако вси пред неведущими человеки братолюбивыи и милостивыи славы ищуще от человек суетныи и маловременныи. И от бога тако вси и удалишася. Видите ли, братие, какво ино мнимое братолюбие? Нестъ се братолюбие, но злолюбие и сластолюбие. В нем же и блуд сотворяется. И таковыи, по малом своем временном житии и небрежении живущии, внезапно от бога посылаемой злои смерти предаются и в муку вечную идуще, юже zde сластолюбия ради возлюбиха. Еще же в сие настоящее время мнози человецы не токмо мирстии человецы, но и церковнии причетницы, аще видят некоего властелина человека, богатством цветуща и тщетною славою одержима, и сретают его с радостию, и вводяще в храмины своя, и трапезы представляюще, и честь велику. Се все тако творяще, хотяще от него болши нечто обрести. Или к тому // вельможи многим к большим трапезам приходити и упиватися и объедитися, или чая от него много имения взяти во обитель, мнящеся милостыня ради церковнии причетницы. Аще и видящи коего, яко грабителя или мздоимца и протчих сим подобныи приносят к церквам божиим приношения в дар богу, причетницы же от таковых человек вскоре приношение принимаше, не исправляше, какво от них приношение бывает, но паче радуются приобретению имения, дабы себе много имения дал, а не помнят реченное, яко неправедна мзда от бога удаляет, ноци человеком омрачает. И паки: «Слепец слепца водил и внезапно оба в яму впадутся». И паки апостол глаголет: «Аще кто в вас блудник или лихоимец, или клеветник, или пьяница, или хищник, или досадитель именуем будет, с таковым ни же ясти, ни же пити, повелевает, и не токмо се, но из сердцы вашей да изженится».

Ище ину повесть к предиреченному приложим. Аще странен некто, хотя истинно господа ради нищ бывает, мнози человецы лицемернем ходят в нищем // образе или имения ради собрание на препитание себе и челяди своеи, а сам и здрав бываше, но не хотяще своими трудами питатися и от чужих трудов питашея. Иния же некия ради вины скрываше прежняя своя лепотныи образы, пременяше худостию ризы. Инии в чернеческии образ

1. 97
об.

1. 33

4. 33
об.

облачесь, а не спасения ради душ своих скитаются и питающе в мире. Но о сих да умолчим. Возрим же на истинныя, яко *же господь* рече: «Блажени нищие духом, яко тех есть царство небесное».

И паки возвратимся на прежереченная глаголы. Да аще кто странный господа ради к неким человекам во обитель или в какову храмину хочет внити, или нужды ради каковыя потребы своему телеси, или от бога некто посылаем бывает на искушение человеком спасения ради душ наших. По реченному от господа ко ученикам своим: «Иже аще кто вас приемлет и аще кто напоит от малых сих чашу студены воды токмо во имя ученика, аминь, глаголю вам: Не имат погубити мзду свою!» Видете ли, // братие, паки мы тленным человеком служим и трапезы представляем, и не токмо что от своих трудов подати нищим, но сами всегда восприяти хотим. Аще и иноцы, но никако же своего обета не храним. И паки в постригании своем пред богом и пред его служителями, обещахомся имети житие безъименно, и уско, и скорбно, и о телесных потребах, душевных и телесных, упование имети. Сам бо господь во евангелии рече: «Не исцйте ся утреннем, что ести или что пити и каково что обрещися, но ищите прежде всего царствия небесного — и сия вся прильщается вам». И паки: «Блаженни милостиви, ти помиловани будут». Мы же на нищих не милости явим ся, аще видим в своем земли пришельца странна образом, худа и бездомни, и знаемых не ищуща. И о таких не радеем духовно, к ним беседовати не хотим, но и лица их зрим неистово, аки к некоему недругу, и в сердца наших помышляем лукави и осужаем, аки // неких злых человек, не токмо им милостыню хотим подати, но и в дом своя не хотим прияти.

Якоже есть писано негде во святых книгах некоего монастыря о игумене. Бывшу сему игумену в своем монастыри прежде ходяще по заповеди господни: к нищим милостив бываше, и прочая добродетели творяше, и богоугодно живяще. И слава о нем во мнози страны проходила, яко сеи игумен воистину раб божиий есть. И от многих градов и всеяи вельможи и богатии и прочии человеци прихожаху во обитель ту ко игумену благословения ради и пользовахуся от него душам во спасение, и милостыню в ту обитель даяше доволну. Люди же даваше милостыню и примаше от того игумена блаословение и отхожаху в дома своя.

Последи же той игумен возлюбил от человек славу и начат с вельможами вечеряти. И по много время бысть тако. Но и паче на трапезах веселитися и упиватися, прежебывшая же своя добродетели в забвение положи и уже немилостив бываше.

Бог же, долготерпеливый // и многомилостивый, якоже преди рекох, не хочет смерти грешником, но хочет всякого спасти и многообразныя пути своим неизреченным человеколюбием верующим в него ко спасению показывает. Яви же ся нищим в образе, призываху для являя. Прииде ко обители, иде же той прежереченный игумен пребывая, и толкнися у монастырских врат. Слышав же вратарь и притече скоро ко вратам, и виде нища,

в худых ризах обличена. И рече господь ко вратарю: «Сиде слышах о игумене вашем, яко раб божи ест и милостив зело и страннолюбив. Аз же из далняя страны приидох семо и мног труд в пути показах, дабы и аз ото игумена вашего милостину принял и прославил бога и отца, сотворшаго небо и землю и вся, яже в них». Виде же вратарь такова убога человека последней нищете и отнюд не имея у себе никакова требования излиша: ни хлеба, ни ризы, — и слышав глаголемая к нему, дивляшеся такому странству. И рече ему: «Человече! Не деи мене в се время // ко игумену нашему ити и о тебе поведати. Нестъ бо о сем времени. Ныне бо игумен у себе имеет гости честны — велможи славны и мужи богаты. Ты же, аще хоцещи от игумена милостину прияти, и пребуди zde мало, дондеже гостям исход будет». Господь рече к нему: «Вратарю, отвори, послуша же бога ради, иди и рцы ко игумену своему, да повелит ми воити в кров свой. Видеши бо мене, яко трудихся путнаго ради шествия и желаю от него некую милостину прияти. Слышах бо, яко игумен ваш милостив естъ». Видев же вратарь неизбытное его повеление, паки и удивися глаголенным ему, нимало не медляше, но скоро тече и поведает игумену о пришествии страннаго. Игумен же седяше на трапезе с велможами и веселятся, реченное же к нему вратарем ни во ум внимаше. Вратарь же, пришед ко вратам, поведает странному, яко труд мой вотще бысть. Господь же, мало умолче, вторицею посылаше вратаря ко игумену, // да введет в кров свои. Игумен же и паки вратарю некако неистово глаголюше, да не вредит беседы с вельможами. Вратарь же, пришед, поведает странному, яко ничто же труд мой о тебе успевае. Долготерпеливый же господь бог никакко хоцет свое создание вскоре погубити, аще ли же кто не обратится и не исправит пути своего ко спасению и заповедей господних не сохранит, то и бог от него оступится и лице свое отворотит. И уже присневшу вечеру и вельможи от игумена из обители поидоша в дома своя. И приидоша ко вратам, иде же долготерпеливый ожидая игуменскаго пришествия. Вельможи же и протчие мужие взяша от игумена благословение и отидоша в дома своя. О преславной чудотворец всякой твари и вся строя, и всем дая, вся дая благодати, и вся человеки питае. Сам же нашего ради спасения в нищем образе рабский ко игумену припадае, прося милостину, а сам всем требующим даяше милость свою неоскудно. Игумен же // той не восхоте сего помиловати, уже бо не упоминал апостола, глаголющи: «Аще живем духом — духови и прилагаемся». Ниже плотию питаниях ради отягчен бысть — и плотская мудръствующе, како бы богатым человеком угодити, от духовныя же мудрости удалишася, благостранному некако немилостивно и отиде в келию свою. И не восхоте той игумен к себе бога милостива быти, но тако же бог сотвори, не токмо на сего игумена восхоте презрети, но и первую свою милость от него взя и отиде, иде же сам бог вестъ.

л. 111
об.

л. 121

л. 101
об.

Зде же воспомянем и о игумене Иеве Коряжемского монастыря, в то время, како изволи чудотворная икона пречистые богородицы

изыти из обители в пустыню и чего ради таково чудо содеяся. Подобае, братие, нам внимати, понеже бываше се грехов ради наших за неисправление жития нашего пред богом недостойны явятся // и бог лице свое отвращает от нас. Сеи же игумен, преждеименованный Иев, живый во обители. Сеи имея старейшинством именовавый ся над живущими ту братьями и пастырь. Житие же его, слышано: неистово яды и упивался пьянством без воздержания и от монастырского и от церковнаго соборнаго пения отлучашася по много время. И токмо ему монастырское строити, или о церкви божия пецися, или стадо словесных овец назирати, якоже неци прежни преподобнии отцы обители строили и братство ко спасенному пути наставляли.

Сеи же игумен Иев, имея с собою некия от братны таковыя же, якоже сам, и о монастырском строении не радяше, но и паче разоряше, и славолубие и сребролюбие в себе имяше даже. Пастырь в своей пастве не радити начнет о овцах, и овцы без пастыря како могут целы быти? Не токмо от волка или от иного зверя расхищаются, но и от безумных человек, и роды своими пугаются и погибают. Тако и иконам, живущим // во обители; аще не наставники своими наказании будут, не могут спастися.

Помянем же нечто мало о прежебывших чудотворных господних и богородичных иконах и во иных странах бывающее, и о угодницех божиих чудотворных мощей явление и пренесение от места на место, еже коемуждо чудеси во святых книгах писанием свидетельствует. И о сем убо, братие, да чудимся; аще божиим посещением коя страна, граду или всем заустение бывает, чудотворныя же иконы и чудотворцевы мощи явлением и чудотворением переходят во ин град или во обители, да чудеса их человеком не забвени будут. И еще нечто от святых книг писанием непокоровыися и безчинно живущая церковныя причетники обличает и чего ради бог не токмо молитву их послушает, но и лице видит.

Некий брат вопроши святого старца, учителя ему бывша, о святем граде Христа, бога нашего: «Будет ли заустение граду сему от нахождения персян?» Старец же прослезився, // поведати ученику своему: «Некогда молящуся ми о сем и видех на краиневе месте весь народ с клиросом зовуще: „Господи, помилуй! Возрев же и виде господа нашего Исуса Христа, пригвождена на кресте, и пречистую богородицу, царицу мира, молящуся о людех“. Он иже отврати лице свое, глаголя: „Не послушаю их, понеже оскверниша церковь мою“. По сем же сей старец⁵ в церковь идох же, обретено бысть древо честнаго креста. И узрев поток некий смрада, текущ из церкви, и вопросих ины святолепна старца: «Откуда злосмрадие сие исходит?» Они же поведаста ему о беззаконии клирик места сего. . .⁶ Иде же чудотворная икона богородицы некоея ради вины не изволи быти во обители Николы чудотворца, на свое пустынное место путь возводит. О сем единому богу сведущу.

⁵ В ркп. неразборчиво. ⁶ В ркп. пропуск.

Слышав же игумен от брата сказанне о чудеси пречистые богородицы и возбудився от всяких помысл, // аки от сна и ничто же размысляше. Но вскоре того же дни повеле тое чудотворную икону богородицыну нести в пустыню честно. Сам же игумен оболочается во освещенныя ризы и поим с собою же клирицы и братию, и идоша со иконою с молебным пением до пустыни. И дошедши места пустыннаго, поставиша ту чудотворную икону в просте храмине, а сами, игумен и прочая братия, хотя путнаго. . .^{л. 103^в об.} 7 время бысть чудо преславно, почивающу игумену и братии. И внезапно быша вси расслаблении всеми телесными уды, и не могуще друг другу ничто же успети, дабы нехто от когемалу кую приобрел пользу, и о сем в расслабление лежаще. Игумен и братия ничего недоумевахуся, какво и чудо бысть.. И по мале часе откры бог некоему брату, с ними же пребывающу. Виде во сне таково видение и поведи игумену з братнею тако, якоже ему в видении являемо: аще игумен с клирицы и с прочею братею от сна востанут, лес // сечь на здание церкви пречистые богородицы честныи и чудотворныя ея иконы Одигитрия — на всякаго человека по два бревна — и начнут на сем месте здати церковь Иову и аще тако, будут вси здрави. Игумен же и братия вси на такое благое дело обещава с радостию творити, якоже и в той час быши вси здрави, якоже бе и первые. Игумен и братия поидоши в лес, начаша лес сечи, и вскоре изготoviша. От игумена даже и до последняго всяк человек по два бревна на всякое церковное строение.

И помыслиша игумен з братие церковь заложити на новом месте. Есть бо место ино высоко от старого церковнаго места не вдаль за рекою. И паке икону пречистыя богородицы на новое место поставляют — нощю же та чудотворная богородицына икона обретеша на первом своем началном прежнем церковном месте. И таково дивное чудо бысть третицею. Игумен же и братия видевше свое // дело, яко противно бывает божии помощи и пречистыя богородицы и ничто же делу их успевающе, и начаша здати церковь на прежнем месте, иде же сама пречисте богородицы чудотворная икона изволи. И якоже восхоте, тако и сотвори. Не помнозе же времени ту церковь соверпиша и осветиша во имя пречистыя владычицы нашея богородицы и приснодевы Марии честнаго и славнаго ея и чудотворныя иконы Одигитрия.^{л. 104 об.}

Церковь же та бе переводом, невелика така бысть пустыннаго ради перваго строения. И устройша церковь и внесоша ту чудотворную икону пречистые богородицы, и поставиша на место, певше молебная со псалмы и песньми радостн и веселнем духовным, славяще и благодаряще господи бога и пречистую его мать, владычицу нашу богородицу и приснодеву Марю, якоже восхоте, тако и сотвори — сама себе устрой дом на месте, иде же

⁷ В ркп. пропуск.

та церковь и доныне стоит во свидетельство своего преславного чюдеси.

а. 105 Мы же, братие, аще о отшествии чюдотворныя иконы богородицины // прежде печални быхом, но ныне радостию духовною паче возрадуемся о новом преславном чюдеси, о данней нам от бога благодати — о пришествии чюдотворныя иконы нерукотвореннаго образа господа бога и Спаса нашего Исуса Христа к своему угоднику великому во святителех и чюдотворцу Николаю во обитель. И не прежде труды положи каа благому делу и начальника сей обители, преподобнаго отца нашего Логина, и нас, грешных, во время наша милостию своею посети, якоже древле Авгаря царя от болезни здрава сотвори и веру утверди, тако и ныне господи, боже наш, от болезни греховныя здравы нас сотвори и на истинный путь спасения утверди. Мы же ти пророчески возопием: «Благословен господь бог Израилев, яко посети и сотвори избавление людем своим!» И возвеститише бог спасения нашего в дому угодника своего, великаго чюдотворца // Николы. О сем зде да умолчим.

а. 105 об. И коли на первое возвратимся. А еже о нерукотворенном образе господни в своем чюдеси яве покажет, ныне же въкупе прославим господа бога и пречистую богородицу, мать Божию, заступницу нашу о спасении души наших. Аще богородица чюдотворною своею иконою от тое обители Николы чюдотворца отиде во свою прежнюю обитель в пустыню, но милостию своею богородица вкупе с сыном своим, господем нашим Исусом Христом, ото обители угодника своего великаго чюдотворца Николы неотступно пребывает. И люди своя, пребывающих в заповедех господних и творящих волю его, соблюдает и спасает. А не споривы⁸ люди, ту живущи, не хронящих заповеди божия; воистину господь бог своим преславными чюдесы в небрежении живущих // грехи обличает и ранами наказывает, сии речь скорбьми и болезнми неложно. Бо есть се. Но и паки реку, воистину божье посещение бывает множицею на непокоривых людех тое обители. Аще котории брат инок или мирянин приидет в тое великаго чюдотворца Николы обитель прежде с верою и со усердием и трудитися начнет, чая души своей спасение получитьи, последи же малодушеством жити начнет и трудитися не восхощет, и начнет жити к наставнику непокориво и неистово и без благословения, хотя изыти из монастыря, и хотя по своей воли жити — и таковых бог наказует. Овому на пути ума изтупишу, иному в разслаблении бывшу. И паки тии с верою во обитель возвращахуся и у игумена прощение приимаху и чюдотворных ради икон Спаса и пречистые богородицы и угодника их Николы обещахуся — уже к тому немалодушествовати, и тако здравие получаху, и во обители у Николы пребываху, труждахуся всякие // монастырские труды, якоже и протчии трудницы.

⁸ В ркп. неразборчиво.

В нынешняя же лета божиею помощию и пречистыя богородицы молением и заступлением при игумене Александре з братиею в пустыни пречистые богородицы ея же церковныя казны собранием церковное строение божиим милосердием, иконами и книгами, и ризами, и церковными сосуды, и колоколами и всяким церковным украшением, и не токмо се, но и прежде над помянутою благодатною водою часовня устроена. И в часовне божиим милосердием иконами и на владычныя богородичныя праздники освещением воды и всяким благостроением в церкви и в часовне исполняешся. Прилежит же та обитель пречистые богородицы честнаго ея Одигитрия, еже и пустыня именуется Христофорова, к прежней обители великаго чудотворца Николы, словес Коряжемскому монастырю, церковною всякою и всяким мирским строением // и прежним царьским жалованьем. Воедино един игумен обоим обителем, и братия воедино живут, и пища, и одежда всем живущим во обоих обителях из единой казны дается. Богу же прославляющему молитвами пречистыя своея матери то святое новопросвященное пустынное место простиратся и слава о сеи иконе пречистые богородицы честнаго и славнаго ея Одигитрия во вся страны простиратся. И церкви в новолутчим переводом утвержашся, пением же святым безпрестанно веселяшся. Людие же, слышавше таково преславное чудо о иконе пречистыя богородицы честнаго ея Одигитрия из далних стран и градов, и все и в той пустыню прихождаху и зряще на чудотворную икону пречистые богородицы // с превечным младенцем Исусом Христом и на церковную красоту удивляшся. Яко тако изволи быти славе господу богу нашему пречистей богородице на месте, прежде пуста и людьми не ведомо и не проходимо, — ныне же всем явно зримо и от всех славимо. И от тое чудотворныя иконы пречистые богородицы честнаго ея Одигитрия с молебным молением, с верою приходящи и припадающи к чудотворной иконе, со слезами молящся о душевном спасении и о телесном здравии, от всяких различных скорбей получают душам спасение и телесем здравие. И оттуду, из церкви, отходяще в часовню тако же с верою // и со благоговением пьюще и умывающся водою, от всяких недугов здравие приемлют и отходят во свою страны. И мы с радостию почитающе чудотворную икону пречистые богородицы честнаго и славнаго ея Одигитрия, славяще отца и сына и святаго, давшего таково благодать молитвами пречистыя твоея матери, господа Исуса Христа, сыне божии, помилуй нас. Аминь.

107

108

108

